

Денис Степаненко

**Мелодия человеческой жизни.
Второй сборник стихов**

«Издательские решения»

Степаненко Д.

Мелодия человеческой жизни. Второй сборник стихов /
Д. Степаненко — «Издательские решения»,

Каждый раз, когда я сажусь писать, я не знаю, о чем будет мое стихотворение, будет это чья-то история, размышление о жизни, описание природы или события.... Это волшебный процесс, и как он происходит, я не знаю. Каждый раз передо мной чистый лист. В голове всплывает строчка или словосочетание, и только когда рождается первое четверостишие, я хотя бы понимаю, о чем будет стихотворение, но никогда не знаю, что будет дальше.

Содержание

ПЕРЕПИСАННАЯ ИСТОРИЯ	6
МОГИЛКА НА ИЗЛУЧИНЕ ДНЕПРА	8
ТОТ БОЙ	10
В ЛАВКЕ У БОГА	12
СТАРОЕ ПИСЬМО	14
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ	17
МОЯ МИЛАЯ	18
ШЛА ПО ТРОПЕ ДЕВЧОНКА	19
СИРОТА	21
МЕСТО ГДЕ ТЫ СЧАСТЛИВ	23
НЕ ИЗ ЭТОГО МИРА	24
ОСВЕТЛЯЮЩАЯ ГИМНАСТИКА	25
У МОГИЛКИ МИЛОГО	26
УЧИЛ МЕНЯ ОТЕЦ	28
ТАИНСТВЕННЫЙ СВЕТ	29
У МАТЕРИ В ГОСТЯХ	31
У ПОДНОЖИЯ ВУЛКАНА	33
ОСТАВИВ СВОЮ ПЛОТЬ	35
ЗАБРОШЕННАЯ МОГИЛА	36
РОДНОЙ ЗДВИНСК — О ТЕБЕ	37
НЕЛЕПАЯ ВСТРЕЧА	39
СОВЕТСКИЙ ТРАКТОРИСТ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мелодия человеческой жизни

Второй сборник стихов

Денис Степаненко

© Денис Степаненко, 2026

ISBN 978-5-0062-7040-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРЕПИСАННАЯ ИСТОРИЯ

Огарок искореженной свечи,
Горел в ночи едва, несмело,
Гуся, белесое перо,
В руке писец держал умело.

И буква к букве, строчка в строчку,
Рождался новый миф о том,
Как допотопная Россия,
Была под ханским каблуком.

Как был народ не образован,
Что жил почти что в забытье,
И новый царь дал всем им повод,
Пожить совсем в другой стране.

Писец подумал, сморщив брови,
Затем подергал за усы,
Макнул перо и тут же довод,
Вписать в ту дату поспешил.

Писал он долго, беспрестанно,
Роня взгляд хмельной в ночи,
На циферблат немецкой марки,
Часов карманных у свечи.

Прочтя главу, кивнул он чинно,
Довольный тем, что написал,
Как закрутил он все здесь дивно,
Сам от себя не ожидал.

И новый город, да царь красавец,
Реформ великих кутерьма,
А то, что было раньше в царстве,
Исчезнет этой ночью навсегда.

Задача ведь стоит простая,
Возвысить нынешний престол,
Стереть былые достижения,

Покрепче применив глагол.

И вот дописана та книга,
Доволен творчеством писец,
Горит в печи, искрит красиво,
Истории Руси правдивый след.

Прошло уж много времени с того,
Но, мало, что сменилось!
Наверно только лишь гусиное перо,
Печатною машинкой и компьютером сменилось.

МОГИЛКА НА ИЗЛУЧИНЕ ДНЕПРА

Вспорхнули птицы в полуденное небо,
Холодное, затянутое пепельную мглой,
И голос женский заскулил тоскливо,
Встревоженный, измученный бедой.

Рыдала женщина над свежеею могилой,
Прильнув лицом к весенней, перекопанной земле,
А с фотографии жизнелюбиво, смотрел сынок,
Сраженный шальной пулей в феврале.

Курчавый, статный, с красивыми глазами,
Смотрел как плачет на могиле мать,
И робко, тонкими из под усов губами,
Просил, молил ее, не горевать.

Но не могла она остановиться,
Померк ведь для нее теперь весь белый свет,
И тем, которым, она могла гордиться,
На свете этом, рядом с нею больше нет.

И подняв к небу, серому и злому,
Свое испачканное глиною лицо,
У Бога она искренне просила,
В раю дать место для него.

И кружат вороны крикливо,
Над кладбищем у излучины Днепра,
Собака где-то воет сиротливо,
Безде той женщине сочувствуя, скорбя.

Неважно теперь ей за кем победа,
Покинул этот мир любимый царь,
В глазах пустых блеснит дилемма,
Еще чуток пожить иль умирать.

Казалось бы в разумном новом мире,
Нет места смерти и войне.
Но, как и прежде народ ведут к пучине,

Взамен, чтоб кто-то удержался на коне.

Давно я понял, что не сбыться
Тому, что будет мир на всей земле,
Всегда сподоблен кто-то уродиться,
Чтоб утопить народ земли в большой войне!

ТОТ БОЙ

Взгляд у командира был туманен,
Смотрел на нас и ничего не мог сказать,
Как будто был он пулей в сердце ранен,
Стоял, молчал, старался что-то осознать.

Сжав губы, слезой налитыми глазами,
Он смерил по отцовски каждого из нас,
А после робкими словами,
Сказал о том, что штаб прислал приказ.

Сынки любимые, мои вы дорогие,
Мне тяжело все это в слух произносить,
Но Бог все видит, вы мне как родные,
Душой я к вам давно привык.

Скажу вам прямо, не будет помощи от наших,
Они уже ушли за дальний лес сказала связь,
Приказ простой сдержать врага руками,
В запасе ведь лишь по четыре пули у каждого из нас.

Нет, мужики, ребят вы не вините,
Они вчера прорвали линию врага,
Исход возможно этой битвы они переломили,
Взвалив недюжинную ношу на себя.

Мне очень жаль, что вас подвел ребята,
Наверное, все от того что сильно доверял,
Майору тучному из фронтового штаба.
Который многое чего мне обещал.

Мы пешки в этой страшной битве,
И только лишь одно способно мне,
Вас попросить еще служить Отчизне,
Ценою нашей жизни на земле.

Пойдем в последний бой ребята,
За Родину, за наших женщин и детей,
Дадим им шанс пожить когда-то,

В прекрасном мире лишенным лагерей.

За мир в котором нет нацистов,
За мир в котором каждый млад и стар,
Живет в широком мире чистом,
Получше чем Австрийский государь.

Пусть наша смерть, не будет глупой,
Пусть каждый в этот бой с собой несет,
Надежду, веру за Отчизну,
Что мать Россия снова расцветет.

Стоял старик у церкви, тихо плакал,
Тот бой он помнил, словно был вчера,
Как разрывали их тела снаряды,
А командир сквозь боль кричал УРА!

И вроде в той войне Советы победили,
В крови солдат топя пришедшего врага,
Как оказалось, что не всех добились,
И снова начинается война.

Пришел старик, отдав свое последнее здоровье,
Что собирал, чтобы дожить до майских дней,
Поставить свечку в церкви у иконы,
За жизнь ушедших за фашистом сыновей.

За то, чтобы народ простой простил военных,
Которые пришли в их города,
Ценою своих жизней истребляя,
Средь мирных жителей засевавшего врага.

Но, не понять наверно сейчас многим,
Что есть фашизм окрепнет он когда,
Жизнь коротка и быстро все стирает,
Живым лишь оставляя раны на всегда.

В ЛАВКЕ У БОГА

Ты в лавке у Бога, бери не богатства,
Не власти на троне, не высоких чинов.
А ложечкой скромной, насыпь крупы счастья,
В свой выданной там, для жизни мешок.

Сказал мне об этом и тут же растаял,
Словно привиделся дряхлый старик,
И я потихоньку по ступенькам взбираюсь,
Обессиленный, взмокший, лавки Бога достиг.

А там никого, только белые стены,
На полках белесых расставлен товар,
Вот и здоровье, а там достаток,
Украдкой стоит удачи нектар.

Богатство и слава, в красивых мешочках,
Могущество, сила, в искусных ларцах.
В зеркальном фужере блестит изливаясь,
Красивое тело в жемчужовых волнах.

А вот возле стенки, в тряпичном мешочке,
Лежит неприметно крупой доброта,
А сразу под нею, чуть от даль, левее,
Немного в коробке залежалось ума.

И все, что богато, лежит камнем сусветным,
Алмазом, кристаллом, иль то янтарем.
А все, то что мне приглянулось взглядом,
Мукою, то пылью иль просто пшеном.

Блеснув разноцветно, радужной пудрой,
В руке у меня появился мешок,
И голос Божественный меня вдохновляет,
С собою на землю даров взять чуток.

Смотрю на товар, старика вспоминаю,
Где же ты счастье, про, что говорил.
И вдруг неожиданно я понимаю,

Что мешочек врученный, истертый до дыр.

Стою я поникший да думу гадаю,
Как мне в него чего положить,
Сквозь дырки большие, проеденных молью,
Как в нем добро до земли сохранить.

А рядом мужчина, с таким же мешочком,
Смерил брезгливо мой голый прикид,
И смело кладет драгоценностей плоску,
Богатство, а следом и власть положить норовит.

И вот уж набит под завязку мешочек,
Цветными камнями и прочей рудой,
Сквозь дыры они по размерам не лезут,
И он устремился к земле, по дороге крутой.

Ну, что донесу, — развел я руками,
И ложечкой кротко насыпал ума,
Немного еще я насыпал достатка,
И ложку черпнул из бочонка семья.

Спускаюсь по лестнице, и вьется за мною,
Дорожка белесая истощая мешок,
Спустившись на землю пошарил рукою,
Опустел окончательно мой узелок.

Я было расстроился, взгляд в пол опустил,
Как вдруг в одночасье изменился тот мир,
Конец моей лестницы оказался началом,
А начало ее стало конечным причалом.

И тут я все понял, хитрец наш отец,
Лестница эта земной жизни рубеж,
И что ты ней посеешь спускаясь,
Тем будешь живиться по ней поднимаясь.

СТАРОЕ ПИСЬМО

Чердак, полутьма, вокруг паутина,
Четыре мальчишки идут не спеша,
Натужно и мерзко скрипят половицы,
Монстров рисует вокруг пустота.

Стучат торопливо четыре сердечка,
Робко шагает по доскам сандаля,
Фонарик тоскливо освещает стропила,
Боясь заглянуть в неизвестную даль.

Вдруг скрип, кто-то вскрикнул пугливо,
Другой уронил со страху фонарь,
Над головами очень ретиво,
Пролетела пища, какая-то тварь.

Все улеглось, успокоились звуки,
Пошли, — кто-то робко из мальчишек сказал,
Фонарик берут снова детские руки,
Снова по скрипящему полу сандаля зашагал.

И вот, раздирая, пред собой паутину,
Фонарик уперся в старинный трюмо,
На нем кучкой в пыли, разложены книги,
Из ящика слева торчало письмо.

Как вдруг неожиданно шаги застучали,
Кто-то грузно вбежал на первый этаж,
Мальцы в рассыпную, все побежали,
Словив неожиданно ужасный мандраж.

Кто кубарем пал, с лестницы ветхой,
Кто спрыгнул с окна чердака,
Но младший из них, мальчишка не пряткий,
Был пойман с поличным мужчиной тогда.

Ну, что вы забыли в этой ветхой лачуге?
Спросил недоверчиво хмурый старик.
А если б убились, свалившись оттуда,

— Мы с ребятами там искали тайник!

Сквозь слезы мальчишка, сказал сиротливо,
И вытер лицо своим рукавом.
Мы только хотели, всего лишь немного,
На тайник посмотреть хотя бы глазком.

Ну, вы даете, старик усмехнулся,
Тайнику здесь откуда взяться во век,
Этот дом до войны, еще дед мой построил,
Можно сказать, моих предков ковчег.

Уж сил моих нету, присматривать больше,
За домиком этим, здоровье не то,
Поэтому больше, вы там уж не лазьте,
Все доски прогнили уж напрочь давно.

Мальчонка, кивнул: — Хорошо, мы не будем,
И робко письмо старику протянул.
Простите меня, мне очень не ловко,
Там конверт наверху я у вас умыкнул.

Старик, обомлел, наклонился немного,
Дрожащей рукой прикоснулся к письму,
Аккуратно взял пальцами, нежно за кромку,
И уселся наотмашь, на густую траву.

И вправду тайник, — старик иронично,
Сквозь слезу накатившую чуть проронил,
Красивые буквы, знакомого подчерка,
Он снова как в детстве своем получил.

Привет мой сынок, — письмо начинается,
Я скоро приеду, осталось чуть-чуть,
От слез глаза старика закрываются,
Не может от чувств оголившихся даже вздохнуть.

Как же прекрасно почувствовать снова,
Себя восьмилетним беззаботным юнцом,
Ощутить вновь уж забытые чувства,
Пережить светлый миг где мы были с отцом.

Сидел тот старик до темна, горько плакал,
Но плакал от счастья, что было дано,
Вот так невзначай, отворить в детство настезь,
Паутиной поросшее небольшое окно.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ

Уехал я, просто уехал,
Сорвался и бросил дела.
Привычный всем мир, безутешен,
Изнылась по дому душа.

Мой дом не тот, что в квартире,
Не который за пыльным окном,
А тот, что в девственном мире,
Расстелен зеленым ковром.

Нет радости больше от денег,
Устал я от шума машин,
Мне снится избушка у леса,
У подножья горных вершин.

Где кроны деревьев щекотят,
У неба провисшую синь,
И речка с прозрачной водою,
Журчит средь Кавказских рябин.

Где воздух, набрав в себя чистый,
Насыщенный ароматной пихтой,
Взошедшего солнца ты встретишь искристый,
Приветливый луч над серой скалой.

Не зря говорят, что прозреет,
Лишь тот кто дорогу найдет,
Не туда, где народ богатеет,
А туда где дан Богом исток.

МОЯ МИЛАЯ

В полумраке, рыжий терем,
Солнца луч ласкает гладь,
Воды озера средь сосен,
Заняла тугая рябь.

Рукописная картина,
Взгляд мой нежит на стене,
В голове моей лишь мысли,
О тебе и обо мне.

Стрелка медленно шагает,
На часах в моей руке,
Кот игриво лапой машет,
Ловя блики на окне.

Да, люблю, тебя сильно,
Даже сорок лет спустя,
И тревожусь беспричинно,
Когда рядом нет тебя.

Тихо шелкнула щеколда,
Отозвалась дверь скрипя,
На порог в пимах и шали,
Моя милая пришла.

Как смешна она с мороза,
Как укутана чудно,
Из под шали еле видно,
Ее милое лицо.

Обниму свою старушку,
Расцвету в улыбке я,
Улыбнется мне в ответку,
Моя милая жена.

ШЛА ПО ТРОПЕ ДЕВЧОНКА

Идет по узенькой дорожке,
Еще так неумело совершая шаг,
Девчонка в пестренькой юбчонке,
Спешит в песочницу играть.

Счастливый до безумия ребенок,
Идет смешно, кривя ногой,
С ведерком синеньким в ручонках,
Наполненным холодной водой.

И плещется через края водица,
Спешит ребенок прибавляя шаг,
— Куда, моя ты озорница? —
Кричит ей в след, не поспевая мать.

И птицы ласково щебечут,
Летая в небе голубом,
Весна людей теплом лелеет,
Звеня листвой в саду густом.

А я сидел тогда на лавке,
Вдыхал сирени аромат,
Закрыв глаза внимая счастье,
И жизнью я был пьян и рад.

Так звонко, озорно кричали дети,
О чем-то мужики смеялись за столом,
А я сидел с закрытыми глазами,
И наслаждался прекрасным этим днем.

Я вспоминаю и тут же сразу плачу,
Простите, слез мне не сдержать,
Я выжил тогда просто на удачу,
А мог же там, как все лежать.

Сейчас постойте, успокоюсь,
Я не люблю об этом вспоминать,
Та девочка с ведерком на тропинке,

Всю жизнь перед глазами будет так бежать.

Меня взметнуло в воздух, раздались крики,
Ни кто тогда не понял что произошло,
В огне мелькали бесформенные блики,
Дышать мне было от дыма тяжело.

Но я поднялся, в голове звенело,
Тонул весь сад в дыму густом,
У ног моих ведерко синевело,
Пробитое дымящимся штырем.

Кем нужно быть, чтоб сотворить такое?
На мирный город уронить снаряд,
Убить людей, лишить других покоя,
Чтоб просто на военной карте зачеркнуть квадрат.

Бежала по тропе как оказалось не девчонка,
Бежала мать, детей которых не родит,
Женой любимой ни кому не будет,
И к бабушке никто уж не придет погостить.

Один удар, десяток стертых жизней,
Бессмысленно потухших навсегда,
А ведь тому кто их задул, однажды,
Нацепят на кителей карманов, ордена.

СИРОТА

Покосившийся домик, за кроткою речкой,
Припорошенный снегом холодной весны,
Молча скучает у облупившейся печки,
Мальчишка-подросток, обутый в пимы.

Пусто в избушке, пыльно и грязно,
Из мебели только стол, кровать да сундук,
Да в углу наклонившись, стоит безотрадно,
Землею поросший, не большой старый плуг.

Тяжело сироте нынче жить на деревне,
Погода решила злую шутку сыграть,
Вместо тепла в середине апреля,
Зимнюю стужу вернула опять.

А помещик сердитый, ругается матом,
Винит в непогоде нерадивых крестьян,
Вчера излупил своей плетью бесячей,
За то, что весна принесла вдруг буран.

И сидит за окошком, грач оголтелый,
Смотрит на юношу, хмурым взглядом своим,
Все ни как не поймет почему рожь не засеяна,
Отчего не заложен ячмень средь равнин.

Мальчишка вздохнул бросив взгляд затуманенный,
На птицу спящую у него за окном.
Словно поняв, что все здесь безраздуно,
Грач улетел к остальным, махнув лишь хвостом.

Отчего же мы, люди, не свободны как птицы,
Мальчишка тоскливо взглянул за окно.
Почему я в оковах был должен родиться,
Отчего мне судьбой быть рабом суждено?

Надеюсь придут на Руси перемены,
И вилы возьмет угнетенный мужик,
Под натиском дружным падут дворян стены,

И будет народ наш един и велик.
Тот образ мальчишки, запал мне на долго,
Болезненный взгляд темно-карих очей,
С верой, с надежной стоял он в окошке,
А я словно был там один из грачей.

МЕСТО ГДЕ ТЫ СЧАСТЛИВ

Давно случилось так, что я уехал,
Покинул север, устремив свой взор на юг,
И корни здесь свои раскинул,
Сменив березы шум, на старый бук.

Теперь здесь у меня свой сад и домик,
Я стал медлительный, размеренный в делах,
Уже наверное тот темп и не осилил,
Присущий всем в моих родных местах.

Уже восторг не вызывает море,
Хотя и дня я без него представить не могу,
И взор уже не зачарованный на горы,
И жизнь моя не кажется в раю.

Но так или иначе, я на своем месте,
Мне здесь спокойно, хорошо.
Я не смотрю по телевизору плохие вести,
Неверное от этого мне так легко.

И в тот момент, когда в саду зеленом,
Встречаю солнце я, за той крутой горой,
Душа моя не рвется никуда уж боле,
Найдя для тела бренного свой дом родной.

Как отыскать то место где ты счастлив?
Совет простой, лежащий на виду,
Иди к мечте, не обращая вниманья на ненастья,
Лишь говоря себе: — Я все равно дойду!

НЕ ИЗ ЭТОГО МИРА

Твое завтра не наступит никогда!
Закончится лишь только этот день ненастный,
Потушат свет большие города,
И растворится мир в твоих объятьях.

Ты знаешь, что этот день последний,
Рассвет, закат, мерцанье звезд,
Другое утро здесь уже не встретишь,
Ведь в мире этом ты обычный гость.

И позовут, тебя к себе обратно,
Внезапно, вдруг, сверкнет лишь луч,
И ловишь каждый миг сегодня жадно,
Сдержань пытаешься тучи слёз.

И собравшись поздно ночью,
Прощаясь с земным миром в тишине,
Ты молча, нежно поцелуешь дочку,
И растворишься в темноте.

ОСВЕТЛЯЮЩАЯ ГИМНАСТИКА

Напиталось снова твое тело мраком,
Субстанцией, что город изрыгнул,
И кажется, что за окошком мир упрямо,
В ненастье, лютой злобе утонул.

Присядь на мягкий стул, закрой глаза,
Наполни легкие ты ароматным утром,
Почувствуй как налита голова,
Тяжелым чем-то неуместно грузным.

Вдохни еще разок, как можно глубже,
Да так, чтобы мурашки побежали по спине,
Открой глаза и выдохни наружу,
Все мысли чуждые не нужные тебе.

Опять закрой глаза, вдыхая снова свежесть,
Почувствуй как в твой дух вошло добро,
И нет теперь счастливее тебя на свете,
И с Богом в день тебя введет оно.

Почаще запускай ты Бога в душу,
Пытайся отыскать возможность для себя,
Прервать бушующую бесом стужу,
Для солнца отворяя в сердце ворота.

У МОГИЛКИ МИЛОГО

Я стою перед могилой,
Слез сухих роняя пыль,
Не могу смириться милый,
Оплел разум мой, ковыль.

Затуманена надежда,
Что жила всегда во мне,
Нынче там, сплошная бездна,
Существую лишь во сне.

Только там, ты есть любимый,
Только там с тобой и я,
Как и раньше были вместе,
Наша дружная семья.

Ты позволь пожалуйста, пойду я,
Прознобило до костей,
Поплетусь я до избушки,
Уж пора кормить детей.

Прикоснусь легонько к фото,
Улыбнусь тебе в ответ,
Спи спокойно, мой любимый,
Уже меркнет солнца свет.

Буду жить, я как-то дальше,
Правда как не знаю я,
Если честно и без фальши,
Дальше жизнь не для меня.

Буду в детях искать счастье,
Видеть в их чертах тебя,
Разгонять внутри ненастье,
День за днем живя, скрепя.

Удаляясь от могилки,
Сердце рвется на куски,
Фотография с улыбкой,

Меркнет в тени от ночи.

И вздохнув как можно глубже,
Я закрыв свои глаза,
Побежала прочь оттуда,
Отче наш лишь бормоча.

Добежала, до деревни,
Отворила дверь в избу,
Разрыдавшись обнимала,
Долго, долго ребятню.

УЧИЛ МЕНЯ ОТЕЦ

Учил меня отец здороваться при встрече,
Он говорил, что мир един, лишь в доброте,
Не будет войн на белом свете,
Когда все люди будут помнить о Христе.

О том, что он пришел однажды с неба,
Пытаясь до нас грешных донести,
Что счастье в сложном мире этом,
Мешком со златом с душой не унести.

Он говорил, что верить надо в чудо,
Мечтать и всех вокруг любить,
Учиться быть по жизни благодарным,
Что Бог дал путь земной нам совершить.

Ведь этот путь, для всех простой экзамен,
Который мы сдаем не ведая того,
Что скоро перед учителем предстанем,
Открыв для Бога все, что было скрыто глубоко.

Куда потом? Определим мы только сами,
Ведь время предостаточно у нас,
Чтоб подготовить дух, предстать перед Богами,
И изложить свой жизненный рассказ.

ТАИНСТВЕННЫЙ СВЕТ

Я видел свет, таинственный и нежный,
Как будто с неба лилось молоко,
Манил меня он упираясь в бесконечность,
И отчего-то было так легко.

Ни страха, ни каких-то лишней мыслей,
Я брел к нему, как будто шел домой,
И воздух мне казался таким чистым,
Лаская свежестью мое нутро.

Как колокольчик голос детский,
Внутри меня вдруг зазвучал
И очень ласково и нежно
Он в гости к звездам приглашал.

И вот стою я перед потоком,
Свеченья спавшего с небес,
Коснись рукой мне голос вторит,
Познай вселенную чудес.

И было я поднял уж руку,
Как вдруг услышал лай собак,
И в тот же миг луч растворился,
Все погрузилось сразу в мрак.

Забилось сердце, стало страшно,
Что я забыл в глухом лесу,
Стою и громко, горько плачу,
Домой вернуться я хочу.

Вот крик отца, а вслед мужчины,
Кричат о том, что все, нашли,
Я не могу найти причины,
Зачем я здесь стою в глуши.

Отец прижал меня к себе,
Расцеловал косматый волос,
— Ты, что пришел сюда во сне?

— Дрожал его басистый голос.

Я рассказал ему про белый свет,
О том, как кто-то звал в далекий космос,
А он все прижимал меня к себе,
И теребил рукой за космы.

Мой милый мальчик, фантазер,
Отец устало улыбнулся,
Пойдем скорей уже домой,
От сна еще ты просто не очнулся.

Смотри, — вдруг кто-то прокричал,
Взмахнув рукой в ночное небо,
Над головами яркий шар,
Был, и вдруг как будто не был.

Мне страшно о той ночи вспоминать,
Но до безумья интересно,
Куда и кто меня тогда позвал,
История теперь мне не известна.

У МАТЕРИ В ГОСТЯХ

Захвачу горячий ломоть хлеба,
Закрыв глаза поймаю его нежный аромат,
Как здесь давно я уже не был,
Как не видал давно родную мать.

Сижу, держу в руках я хлеб душистый,
Она стоит так скромно у стола,
Сложив ручонки в молебный комочек,
Сердечно смотрит на меня.

Ну, как прекрасно все же дома,
У печки маленькой ютась,
Опять почувствовать себя ребенком,
Душою в детство воротиться вспять.

И не уймется моя мать-старушка,
Все суетится надо мной,
Как будто перед ней сидит ребенок,
А не мужик с седой бородой.

— Ну, все, мамуль, достаточно, не надо, —
Я наконец не выдержу, скажу,
Своею черствую рукою,
Ее покрепче, к себе любя прижму.

Заплачет вдруг моя старушка,
Обнимет крепко, что есть сил,
Как я соскучилась сыночек,
Как без тебя мне мир тосклив.

Не выдержу и я, возьму заплачу,
Но не от жалости, а от своих чувств,
Которых к матери годами не запрядешь,
Как в детстве я к плечу ее прижмусь.

Пусть и смешно со стороны, что я мужчина,
На хрупком старческом плече сейчас реву,
Мне так легко, тому виной одна причина,

Соскучился! И мать свою люблю!

У ПОДНОЖИЯ ВУЛКАНА

Вырывая жар из недр ада,
Взметнув в безоблачную высь, куски земли,
Все в тихом городе безумно задрожало,
В преддверии немислимой беды.

Народ не понимая тех мгновений,
Что отводил им на побег вулкан,
Восторженно на столб огня смотрели,
Что извергал проспавший век, безумный великан.

Сначала дунул теплый ветер,
Приятно пробежав по лицам всех зевак,
А следом вдруг как снег, лохматый пепел,
Стал падать на голову бедняг.

Лишь лошади неистово метались,
Истошным ржанием прося их отпустить,
Но, так несчастные и не докричались,
И пепел начал город хоронить.

И вот раздался оглушивший,
Всех тех кто был еще от вида смерти пьян,
Взрыв оглушительный и сильный,
Такой, что треснул сам вулкан.

Безмолвная картина без надежды,
В глазах мальчика стоявшего у городской стены,
Как люди, лошади метались,
Спасти пытаясь из огненной печи.

И грянули с небес каскады рыжей лавы,
Горело все, куда не падал людской взор,
Дома и улицы кричали истошно голосами,
Пылал костром высокий, красочный собор.

Вбирая все, волной сошедшею из жерла,
Сползал язык как руки сатаны,
И жадно все в себе они топили,

Сжигая город с лица большой земли.

Пустыня та, что видишь ты перед собою,
Когда-то здесь были зеленые поля,
А там за каменной, причудливой грядою,
Стоял тот город, где родился я.

Рассказывал старик указывая рукою,
На место у подножия горы,
Что было избрано судьбою,
Как место гибели его маленькой страны.

Прошли года и заросла пустыня,
И снова в листьях дивный сад,
И город возвышается в долине,
Поверх того, что был здесь много лет назад.

И снова улицы полны народа,
И люд здесь трудится, живет,
А притворившейся горою,
Вулкан опять момента ждет!

ОСТАВИВ СВОЮ ПЛОТЬ

Отчего так дышится свежо мне,
Словно я проснулся в первый раз,
И смотрю на мир восторженно глазами,
Ощущая пламенный экстаз.

Как внезапно захотелось мне вдруг,
Не как прежде жить, чуть волочась,
А большими, чинными шагами,
Мир бескрайний измерять сейчас.

Что за чувство, без причины,
Пробудилось вдруг во мне с утра,
Словно крылья за спиною,
Вырастают у меня.

Знать во сне, мой дух ретивый,
Плоть оставив на земле,
В гости к ангелам небесным,
Летал ночью при луне.

И вернувшись к телу в доме,
Он принес с небес в себе,
Ту песчинку счастья рая,
Что сейчас искрит во мне.

ЗАБРОШЕННАЯ МОГИЛА

Поникший крест в траве, брошенной могилы,
Ковыль в порывах ветра утешал,
Своей макушкой колосистой,
По древу ветхому ласкал.

Во мраке туч наплывших на рассвете,
С небес упала капля летнего дождя,
Слезой янтарной заскользила,
По остову забытого креста.

И громом звонким, голосистым,
Тоска повсюду разлилась,
Грозой безудержной, лучистой,
По брюху неба расползлась.

И теплый дождь, стеной шершавой,
Обнял могилку средь полей,
И долго-долго с ней он плакал,
До первых проблесков лучей.

Что через бреши туч усталых,
Спустились наземь, побродить,
Могилку с оградкой изветшалой,
Решили тоже навестить.

И робко тянется надеждой,
Топыря маленький листок,
Из под креста свой путь начавший,
Березки кроткий стебелек.

И в месте том, где плачь у ямы,
Когда-то разрывал безоблачную высь,
Уже стоит березы ствол упрямый,
Корнями уходя в чужую жизнь.

РОДНОЙ ЗДВИНСК — О ТЕБЕ

У изголовья змеи живописной,
Солонцы изодравшей телом своим,
Чешуей полноводной, игристой,
И характером, скверным, мужским.

Что в народе Каргатом зовется,
Что несет свои воды в Чаны,
Триста лет, как народ поселился,
И построил жилища свои.

И с тех пор процветает селенье,
Пусть сменило и много имен,
Но Родным оно будет на веке,
Для пришедших когда-то племен.

Помнит каждый сегодня Здвинчанин,
Как прекрасно Родное село,
Пусть и многих сегодня по свету,
Ветром жизни давно разнесло.

Много разных бывало моментов,
От невзгод до гражданской войны,
Но, всегда это все зарастало,
Оставляя на судьбах рубцы.

Знали люди не только невзгоды,
Но и помнят как хорошело село,
Как на улице первой однажды,
Появилось дорог полотно.

Может даже кто-то и помнит,
Как катера бороздили змею,
И на танцы под вечер ходили,
На площадку в Больничном саду.

Как построилась больница и почта,
Как у школы цветник процветал,
А над нашим красивым поселком,

В первый рейс самолет пролетал.

Я хочу чтобы эти моменты,
Не таил каждый житель в себе,
А в рассказах, книгах и прозе,
Здвинск любимый, рассказал всем, о тебе!

НЕЛЕПАЯ ВСТРЕЧА

Я отца увидел в толпе,
Потеряв тут же дар речи,
Словно разряд тока ударил по мне,
Пот холодный обдал спину и плечи.

Будто призрака увидел сейчас,
Не могу я поверить картинке,
Что отец живой, вот, среди нас,
Идет по вокзалу с плетеной корзинкой.

Захлебнувшись от спазма колючего,
Я шагнул подкосившись ватной ногой,
И нагнал неприметно идущего,
Человека с седой головой.

Я волнуюсь, как малый ребенок,
Осторожно коснулся мужского плеча,
И вдруг тут же повернувшись мгновенно,
Я увидел дорогие мне с детства глаза.

Я не знаю, что было со мною,
Я как будто не хоронил ни кого,
Мой отец стоял предо мною,
Удивленно топырща лицо.

По щекам заструились вдруг слезы,
Все нутро наизнанку ползет,
Вдруг отец с незнакомой басцою,
Мне вопрос ребром задает.

Ты чего мужик? Обознался?
Он спросил, чуть шагнув от меня,
И тогда я посмел догадаться,
Что тот старик был похож на отца.

Тот же взгляд, незатейливый, добрый,
Да и форма носа, лица,
Только говор совсем не знакомый,

Будто кто-то вел речь за отца.

Я тогда поспешил извиниться,
Представляю как был я смешен,
А старик улыгнувшись простился,
Забираясь в электрички вагон.

Я стоял у вагона и плакал,
Наблюдая как за окошком умерший отец,
На пирон смотрел, улыбался,
Расплавляя на моем сердце свинец.

Благодарен я Богу за встречу,
Пусть такую, но как стало легко,
Повидаться папа с тобою,
Я мечтал бесконечно давно.

СОВЕТСКИЙ ТРАКТОРИСТ

Усталый взгляд цепляется за окна,
В которых свет горит и теплится огонь,
По улице пустынной одиноко,
Звучит минорно пьяная гармонь.

Вжимая потную ладонь в потертую баранку,
Мужик ведет свой транспорт на ночлег,
Над головой трясась игриво,
Болтается подаренный дочуркой оберег.

Поставил трактор мужик свой у калитки,
Обтер об тряпку потное лицо,
И валкой, шаткою походкой,
Взошел на хлипкое крыльцо.

Но не успел он потянуть за ручку,
Как дверь скрипучую под радостный галдеж,
Четыре маленьких ручонки,
Отцу на встречу, толкнули невтерпеж.

И вместе, за руки, счастливо,
Войдут они в приземистый свой дом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.